

Ольга Виноградова

ЖИЗНЬ КАК
ПОЛНАЯ ЛУНА

Ольга Виноградова
Жизнь как полная луна.
Маленькие истории
о современном Китае

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095655
ISBN 9785448551574*

Аннотация

В этом сборнике коротких рассказов современный Китай открывается неожиданно и многогранно. Повседневная жизнь городов, будь то легендарный Ханчжоу или традиционный Тайань, показана с искренней симпатией автора, преподающей русский язык в китайских университетах. Экспрессивный язык, лирическая откровенность роднят эти истории с поэзией, а философские размышления отсылают то к наследию Лао Цзы, то к опытам модернизма. Рекомендуется антропологам, поэтам, путешественникам.

Содержание

Часть первая: Сны на Xixi lu	5
Посетители бара Helen's	5
Зачем жечь жёлтые бумажки	11
На вкус и цвет товарищей нет	16
Гусарская вечеринка как гипертекст	21
Стакан пива, выпитый до половины	27
У Стефано	32
Бермудский треугольник	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жизнь как полная луна

Маленькие истории

о современном Китае

Ольга Виноградова

Иллюстратор Василиса Русакова

© Ольга Виноградова, 2017

© Василиса Русакова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-5157-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая: Сны на Xixi lu

Посетители бара Helen's

Улица не очень-то аппетитная. Ноябрь. Шесть вечера. Шанхай. Или уже семь, Роман? Смотришь в планшет.

– Здесь. Видите, выше, вывеска: Helen's, американский бар.

Здание старенькое и замызганное, грязный подъезд, второй этаж. Притон какой-то. Мы ныряем в двери, занавешенные пластиковыми полосками, и оказываемся в полутемном баре с грубыми деревянными столами. Роман предпочитает японские заведения, но после двух дней конкурса по русскому языку в здешнем университете нам, несомненно, подойдет и этот бар.

Русский человек живет будущим – к своему настоящему он, как правило, равнодушен. Он как будто ещё не родился и вечно продолжает выпутываться из своей пуповины, слушать, как журчат околоплодные воды. Он постоянно ощущает дискомфорт и непонятное, но мощное желание куда-то проскочить, воплотиться уже наконец.

Пока мы ждем официанта, раздеваемся, осматриваемся. За соседним столиком китайцы громко играют в кости. Роман, как обычно – уже не помню, в какой связи – говорит

о Японии. Чёрт его знает, откуда у человека берется та или иная навязчивая идея. Для русского мальчика, родившегося в русской провинции в смутное время, мысль о Японии, наверное, очень даже естественна. Он выбрал противоположный полюс. Роман беспрерывно говорит о японском перфекционизме, японских незыблемых правилах, японской стерильности и восхищается даже их снобизмом. Он покупает японские воздухоочистители, японские сумки и японское пиво. Его любимые слова: *идеальный, высококачественный* и, конечно же, *японский*. Он копит деньги на будущую идеальную жизнь в Японии.

А я не хочу в Японию. Мне нравится неидеальный Китай. Мне нравится, что здесь к обеду подают бесплатный суп. Мне нравится, что ты можешь сколько угодно подкладывать себе риса из бочки (неизвестно, моют ли когда-нибудь этот котел – сказал бы Роман). Теперь, разбогатев, китайцы могут себе позволить быть милостивыми к бедным, признавать их наличие рядом. Нет, я не хотела бы жить в богатой стране. Богатой и вылизанной. Богатой и высокомерной. Богатой и чужой.

В чужой стране вообще чрезвычайно трудно жить. И не думаю я, честно говоря, что все дело в берёзках или в языке. И даже не в смене сезонов, которая крепко сидит в нашем подсознании. Чем больше ты привыкаешь видеть вокруг себя не берёзки, а, скажем, магнолии, чем лучше ты понимаешь чужой уклад – тем больше протестуешь против

него. Но ты так мал и незаметен – со всем своим протестом вместе, что едва ли найдешь уши, которые услышат тебя.

Мы не можем жить, принимая чужой уклад. Мы будем – с завистью или презрением – смотреть на чужие традиции, чужую основательность и практичность. Мы будем понемногу учиться – у немцев ли, у японцев ли, у китайцев – о, у китайцев есть, чему поучиться... Мы освоим это – и все-таки сделаем по-своему.

Русский человек созерцателен и нуждается в печали, он не может вынести бремени каких-либо иных ценностей. Созерцательность и печаль – его боги.

Может быть, только очень молодой человек сумеет изменить свою судьбу – сделать пластику своей души, своих представлений о счастье и времени, – сумеет катапультироваться в реальность и прорасти в настоящем...

...Пора заказать. Я должна Роману стакан. Он печально смотрит в меню. Jack Daniel's, как и все крепкое, подается порциями по 40 грамм. Не волнуйся, Роман, я должна тебе стакан, а не глоток. Стакан так стакан, ясное дело. Мы же не китайцы.

А я заказываю «Голубую лагуну» – в честь моего бывшего ученика Саши, который покупал мне этот коктейль в Москве. Ты помнишь, Саша – был жуткий мороз, мы сидели в «Му-му», и я пила тропический коктейль прямо так, в шубе и в шапке?

Ой, не та здесь голубая лагуна. Какая-то она у вас, китай-

цы, мутная. Невкусная и жидкая. Но нам некогда договариваться с жизнью, налаживать её – есть вкусное и пить немутное. Наши действия полны символизма и магии.

Роман предлагает поднять бокал за Кимико. Она полуяпонка-полумексиканка. Переходы от одной её идентичности к другой иногда внезапны. Роман общается, конечно же, с её японской ипостасью, беря у Кимико уроки японского. И мы поднимаем бокалы за нашу ласточку Кимико – и непереводаемое русское слово «ласточка» остается с нами как неподаренная драгоценность.

Бар понемногу заполняется. Много парочек «иностранец – китайка». Китайнок почему-то выбирают толстых и некрасивых. С красивыми, возможно, ходят в другие места. – У нас таких девушек называют *лупетками*, – вырывается у Романа. – Мама бы так сказала. И это дурацкое диалектное *лупетка* для нас как письмо с родины, с доброй новостью. Мы хохочем.

Отравившись лупетками, Роман теперь уже звонит Кимико – поболтать по-японски.

А я? Чего хочу я? Почему меня так растрогали давеча на уроке лермонтовские тучки из китайской хрестоматии, тучки с ошибками? Нет у вас родины? Нет вам изгнания? Кому, на каком языке повем печаль свою? Радость свою? Кто прочтет записки мои о китайских обрядах? Молчите? Маленькая, косолапая и хамоватая официантка приносит вторую лагуну. Вторая ещё мутнее первой. Штормит сегодня...

Мы покидаем бар и устремляемся на набережную. Проходим мимо резиденции великого вождя. Нескончаемый забор. Позвонить в звонок? В другой раз – сегодня мы недостаточно выпили.

Выбираем в качестве дороги к набережной улицу с тремя книжными магазинами, хотя уже вечер. Пробираемся к ней самыми темными и грязными закоулками. Посреди проезжей части кто-то громко блюёт. – Всё это совсем не похоже на Японию, – жалобно говорит Роман.

Наконец попадаем на «читательскую» улицу. Но и она в это время несколько диковата. Книжные закрыты, возле них, накрывшись, словно приличные граждане, одеялами, спят бродяги. Из-под одеял торчат босые ступни.

На освещенных перекрестках мелькают долговязые фигуры и светлые головы. Шведы? Голландцы?

Набережную уже слышно. Мучит жажда. Покупаем у лоточников нарезанные арбуз и дыню. Неизвестно, какими руками они это резали – морщится Роман. Совещаемся, что здесь такое «si»: четыре (на путунхуа) или десять (на местном диалекте).

И вот он – *Бунд*, буквально «причал», с колониальных времен. Роман здороваётся с небоскребами на другом берегу, как с хорошими друзьями. Он смотрит в будущее. Я придиричиво вглядываюсь в лица исторических зданий: отелей и банков. Идентифицирую прошлое.

Неожиданно начинают бить часы на башне таможни. Де-

суть. Гаснут огни. Но мы продолжаем прогуливаться по темному берегу и наверняка теперь опоздаем на метро.

Мне кажется, кто-то тихо коснулся моего плеча... Я поворачиваю голову – никого... Никого, но я знаю, что он здесь, за правым плечом. И он шепчет: ты будешь... жить.

Ноябрь 2014, Ханчжоу

Зачем жечь жёлтые бумажки

Мы с Чжоу Тье сидим в Старбаксе на Hangda lu и, как обычно, больше болтаем, чем занимаемся китайским.

– А как ты выбирала имя для дочери? – спрашиваю я. Её дочке только что исполнилось два. Я нахожусь под впечатлением от имянаречения одного младенца – племянницы моей аспирантки, – и мне нужно выяснить, как это ещё бывает. Но Китай настолько огромен – как вширь, так и вглубь, что обычно ты можешь доверять своему опыту не больше, чем Алиса в стране чудес. – Вы спрашивали совета у специального человека?

– Да, – кивает головой моя учительница. – Это бывает. Но мы просто назвали и всё. Выбрали имя, которое нам понравилось.

– А вот одни мои знакомые... – говорю я. – Они ходили к специальному человеку в храм, и он им сказал, каким должно быть имя... Что оно должно содержать: воду, там, землю или огонь...

– Да, – кивает головой Чжоу Тье, или Дженни, как я заразилась её называть у своих друзей американцев, – да, я понимаю. Некоторые так делают.

И я жду, конечно, что она будет говорить о сохранении традиций – может быть, в деревне или где-то в горах.

– Некоторые – да... Особенно богатые люди.

– Но почему богатые? – Я придвигаюсь вплотную к Дженни. – Так дорого стоит совет прорицателя?

– Нет. Просто им нужно, богатым, передать свои деньги. Им нужно, чтобы ребёнок получился очень хороший. Чтобы имя хорошо работало – на их деньги.

Я с трудом перевожу дух.

– Лично я в такое не верю, – слегка хмурится Чжоу Тье. – Но моя мама, например, верит. Хотя когда надо было называть нас, ей некогда было всем этим заниматься: мы то и дело рождались (у Дженни есть ещё брат и сестра). А ещё – ты знаешь, какое время было – надо было отбиваться от этих правил с одним ребенком, нас-то было двое лишних. Назвала сама, никого не спрашивала. А когда мама опомнилась – мы уже привыкли к своим именам, вроде они нам не сильно навредили.

– А девочку эту, – я продолжаю гнуть про своего младенца, – посоветовали назвать так, чтобы в имени было «золото». И они назвали её – Синь И, три иероглифа «золото».

– Ого, – присвистнула Дженни, – я же говорю, богатые этим занимаются. С деньгами надо быть осторожными. Хотя вообще, я уже сказала – я во все это не верю. Я не выношу этих вещей – как и мой отец. Вот мама – она да. Она верит. Видит сны и разговаривает с призраками.

– Расскажешь?

Дженни косится на заскучавший учебник. И, иногда переходя на китайский, поведывает.

...Это было несколько лет назад. Где-то за месяц до происшествия мама прилегла днём поспать и увидела сон. Ей приснилась женщина, которая ехала на мопеде. Женщина врезалась в стену, упала, много крови, и было видно, что она... ну, уже мёртвая. И нога у неё была такая вывернутая. Потом... это был всё ещё сон... мама готовила обед и заметила, что кто-то заглядывает в окно. Кухня находится немного выше гостиной, но окно оттуда видно. Мама вытерла руки и спустилась. За окном была та самая женщина, с мопеда. Она просила маму её впустить. Но мама строго ей сказала: я же знаю, что ты мертва. Чего ты от меня хочешь? – Да, я мертва, – не стала отпираться та. Но ты мне нужна кое для чего. Мама заметила, что женщина сильно хромает, передвигаясь вдоль окна.

...Тут мама проснулась от того, что кто-то громко стучал в окно. Она хотела было пойти посмотреть, но пока вставала, пришёл отец, и она забыла о стуке в окно.

Однако сон свой мама не забыла и с тревогой несколько раз пересказывала его отцу. Я об этом вообще тогда не слышала, потому что не живу с ними уже давно, а отец – отмахивался.

Прошло какое-то время. И вот, среди бела дня, мама ехала по практически пустой дороге на мопеде – вдруг... ей навстречу кто-то вылетает, врезается, мама летит на землю вместе с байком и теряет сознание. Тут её находит папа, с которым она должна была у магазина встретиться. Он и вызы-

вает скорую помощь. Те приезжают, её осматривают и потом, когда она приходит в себя, опрашивают. Она рассказывает, как на неё налетела женщина на мопеде. А люди, видевшие происшествие, при этом утверждают, что на дороге никого, кроме неё самой, не было и что она ни с того, ни с сего резко повернула и врезалась в бордюр.

Её везут в больницу. У неё большая шишка на голове и сломана рука. Крови нет. Но самое интересное, что ни голова, ни рука не болят, а болит правая нога, с которой все нормально. Видимых повреждений нет, рентген ничего не показывает.

Так мама ещё какое-то время пробыла в больнице. Гипс сняли, голова тоже прошла, но нога – нет. Рентген и другие исследования по-прежнему ничего не показывают, а мама не может встать на эту ногу. Ходить не может.

И ещё – она не спала. Ей все время мерещилась эта женщина на мопеде.

Тогда моя тётя, её сестра, пошла к прорицателю.

– В храм?

– Да, наверное, в храм. Прорицательница – это была женщина, хотя обычно они мужчины – сказала, что совсем недавно в нашем роду внезапно и как-то очень нехорошо умерла одна женщина (наша дальняя родственница). И теперь она пытается УТАЩИТЬ МАМУ. И потом прорицательница разговаривала также и с этой женщиной, увещевала её, но ничего не добились. И она тогда развела огонь. И –

помогло. Всё прекратилось.

– А что она жгла?

– Жёлтые бумажки.

– А что за бумажки? Со словами? С именем мамы? С закливанием? С молитвой?

– Мама этого не говорила... Но это было днём, а уже вечером мама встала. И забыла про свою ногу.

И, говорю, она во всё это верит. И есть многие, кто даже и не верят, а просто так делают, на всякий случай. Этого я вообще не понимаю...

– А как зовут твою маму? – спрашиваю я.

– У неё три имени. Первое – родовое, как фамилия. А второе и третье значат... ну.... как павлин. Павлин – это у нас женского рода птица.

– А что это всё-таки были за жёлтые бумажки? – я не понимаю.

– Мы не знаем этого и НИКОГДА НЕ УЗНАЕМ, – строго заявляет Чжоу Тье и ведёт своим тоненьким пальчиком по таблице в учебнике. С новыми словами.

Декабрь 2014, Ханчжоу

На вкус и цвет товарищей нет

Почти не рассвело, и во дворе нашего иностранного общежития в такую рань я никого не встретила. И висел над городом то ли дождь, то ли смог. И села я у ворот не на тот автобус. То есть это тоже был третий автобус, тройка, но не для преподавателей, а, видимо, для персонала – попроще и погрязнее. Он всегда уходил чуть раньше нашего – и вот наконец-то я перепутала. Внутри было полутемно и некоторые сразу заснули. Другие же, чтобы, наоборот, получше проснуться, принялись в полумраке шутить. И так, в каком-то ощущении другой реальности – всего два месяца я тут, даже меньше – я и приехала в Цзыдинган.

В университете тоже было пустынно. Без двух минут пришёл мальчик с глупым лицом и на ужасном английском стал умолять меня, чтобы я разрешила ему заниматься с нами. К счастью, оказалось, что заниматься он хочет английским языком, а не русской литературой. А я поняла, что сижу не в той аудитории и перешла в свою.

Здесь тоже народу было негусто. Пришла только девочка с биофака, вольнослушательница. Мы почитали с ней Евгения Онегина, и я удивилась, как он мало трогает меня. Пребывание за границей – это хорошо известно всем, кто эмигрировал или долго живет вне родины – обостряет наши подсознательные связи с какими-то основными, коренными ве-

щами. Но в этот раз Пушкин не сработал.

Туман усилился и стал холоднее. Река, хорошо видимая из нашего коридора – просто посмотреть за перила галереи – обычно гладкая, как стекло, и ярко-зеленая, стала походить на дорожку из глубокого лесного мха.

На второй паре я уже вполне обжила новую реальность. Пришла только одна девочка – мы называем их русскими именами, – одна только Света пришла, сказала, что остальные пошли регистрироваться на экзамен в магистратуру.

Мы начали заниматься, и в какой-то момент захотелось поделаться с ней что-то новое, не по плану. Я вспомнила, что у меня в сумке лежит языковое домино: собери пословицу.

Мы начали вместе вспоминать пословицы по их первым или вторым половинам. Я с удовольствием разъясняла студентке разные лексические и ментальные нюансы, а дойдя до *на вкус и цвет товарищей нет* я вдруг вспомнила своего дедушку, Зиновия Исааковича, который любил это говорить. Мне представились и «товарищи», которые расходились в разные стороны по дорожкам разного цвета с различными продуктами в руках, как я представляла в детстве.

Дальше – больше. *Терпенье и труд – все перетрут*. И эту пословицу тоже использовал дедушка, поощряя нас, когда мы с двоюродным братом учились писать. Мне она тогда казалась, правда, немного неуклюжей, жесткой, возможно, из-за фонетики. А теперь она стала тёплая и домашняя, из-за дедушки.

Дед мой вырос в Белой Церкви, городке недалеко от Киева. Его родным языком был идиш. Иврит он тоже изучал, когда ходил в хедер, с пяти лет. Русский язык дедушка начал учить, когда ему исполнилось пятнадцать. Тогда же он закончил экстерном среднюю школу. Он был всю жизнь благодарен советской власти, давшей ему возможность получить хорошее образование. Затем он учился в военной академии на инженера химической защиты. Выйдя на пенсию, дед, видимо, выбрал дело по душе – он работал в издательстве, выпускающем энциклопедию. Мы никогда не замечали, чтобы дедушка ошибался в русском языке, речь его была безупречна, хотя и имела некоторые милые фонетические особенности. Более того, когда его умирающий брат, выписывавший газеты на идише, попросил почитать ему газету, дед не смог: он забыл родной язык.

Господи, сделай так, чтобы людям не приходилось забывать свой язык!

...Мне вспомнилось, как дедушка, придя с работы, ест селедку с натертой черной редькой и не дает мне болтать за столом: *когда я ем, я глух и нем.*

А потом, вслед за этим: *уговор дорожке денег.* Будучи маленькой, я вообще не понимала смысла этих слов, они мне казались шуткой. Помню только, как дед грозил пальцем, повторяя эти слова, когда мы что-то ему обещали.

Без труда не выловишь и рыбку из пруда. Ещё одна корявая дедушкина пословица всплыла – и слёзы подступили

к горлу. Я почти ничего не знаю про своего деда, почти ничего, хотя он прожил в ясном уме до восьмидесяти шести лет, до самой смерти.

Незадолго до того, как он ушёл, я записывала его воспоминания – на маленьких листочках. Они потерялись, убить меня мало. Однако я отчетливо помню, что дедушка рассказывал скупое, только факты, как в отделе кадров. Перевести его в регистр общения, заставить раскрыть душу у меня не получилось. Вернее не так. Душа его всегда была раскрыта. Но он вымел из неё комки боли, и его детство свернулось до двух тетрадных листочков – которые тоже, тоже улетели вслед за ним. Он упомянул о погромах, голоде и скитаниях, о том, как брат вынимал из петли отца, повешенного при погроме – но так, лишь для информации. Возможно, если бы я повзрослела раньше и поработала бы с дедушкой, как я работаю в этнографических экспедициях, он в какой-то момент и захотел бы говорить. Кто его знает. Горечь и печаль душили меня...

Дедушка ушёл из жизни один, без нас, в госпитале... Он бежал из еврейской культуры, а мы, русские, не очень-то занимаемся своими стариками. Бабушка иногда мстила деду за свои какие-то женские обиды. Нам он никогда ни на что не жаловался, только спрашивал, как у нас дела. Называл меня «доченькой».

Деда нет. Но я тебе передаю, китайская девочка Света, настоящее имя твоё надо бы наконец запомнить, – эти пер-

лы, украденные шустрим еврейским юношей, думаю, больше из книг, чем из жизни, эти любимые им слова чужого языка, русского языка – из рук в руки. Из уст в уста. На, возьми. Они волшебные.

Мы и не заметили с девочкой, как закончилась пара. Везде было полно народу.

Октябрь 2014 Ханчжоу,

Гусарская вечеринка как гипертекст

– Вот уж кого Тим меньше всего ожидал увидеть в своей постели... с эксклюзивным шёлковым бельём... – вздохнул Роман. – Он совсем не обрадовался, увидев, проснувшись, мою небритую морду. Как ты думаешь – не очень глупо, что я не воспользовался случаем... ну, насчет Кимико?

– Конечно, нет. Это не наш стиль. – К тому же...

– Да, – кивает Роман, – к тому же это. Только ради бога, когда она придет – ну понятно кто – или ты с ней где-то встретишься, пообещай, что ни слова.

– Даже если она и нагрянет сюда из Японии, то рассказать пока, при всем моем желании, совершенно нечего...

– Именно! – вопиет мой друг, – рассказать нечего, а объяснить, что делала другая девушка в моей постели, невозможно. Обязательно себя скомпрометирую. Самая обидная ситуация!

– Да уж. Мне бы тоже такое не понравилось. Навсегда да же не понравиться могло бы.

– Вот видишь.

– Но мне, однако, показалось...

– Нет, нет. Ничего не изменилось. Кстати, у нас *с той* скоро три года совместной жизни. Хотя за последние два года мы виделись всего-то...

И мы с Романом впадаем в задумчивость над тарелками,

растопырив палочки. Мы обедаем в столовой Чжэцзянского университета – той, что самая большая в Азии, кстати. – Знаешь что?... – хором говорим друг другу мы. И умолкаем, потому что сказать-то, собственно, нечего. Потому что мы очень верим в свои миражи. А вдруг...

А вдруг наши сожаления о погубленной любви и жизни выпорхнут стаей зелёных длиннохвостых птиц однажды утром в окно?... И эти запутанные любовные тропы приведут прямехонько в рай...

...Когда с вечеринки ушла Лян, мы прямо почувствовали, что остались все свои. Как люди становятся своими – одна из величайших загадок вселенной. И мы не находим ничего лучше, как начать рассказывать свои лав-сториз. Точнее, рассказываем мы с Тимом, а остальные всё как-то выкручиваются. То ли мы уже старые и нам все равно, то ли для нас они уже не имеют особого значения и мы пытаемся рассеять их прах, смешав его с сегодняшним – индекс высокий, Роман сказал, – смогом... Я был женат на ней. Да, мы были по-настоящему женаты. Со свадьбой в Южной Африке. С двумя свадьбами. Два года – и вдруг она уходит. Ничего не сказав мне. Я был просто убит. (Поглядывает на Кимико). Что? Отчего?? Нашла другого? Неизвестно. Я тогда много работал, писал PhD, не знаю... Она была очень красивая. Высокая, длинные волосы. (Умолкает, когда Кимико возвращается из туалетной комнаты). Мы выходили в магазины по воскресеньям, как все, и ходили в гости, и я предлагал детей...

Непонятно... И он умолкает ещё окончательнее – в штате Колорадо родился маленький полицейский – а лица слушателей обращаются ко мне.

И я начинаю пересказывать свою мыльную оперу – бесконечную и бездарную... Вот ты живешь с человеком рядом, спишь на его подушке, испытываешь приступы ревности или качаешься в прибое тихого счастья, принимаешь с ним вместе душ, знакомишься с его фантазмами... А потом сидишь как-то раз зимой в гостях у обогревателя в китайском городе Ханчжоу – и совершенно ничего не помнишь. Ни мыслей, ни объятий, ни боли... Только стыд... И я пролистала своё второе замужество и почти дошла до хулиганского надругательства над... но все уже устали от моей лав-стори и смотрят куда-то вовне, и переменили позы...

...А Роман над пустой тарелкой уже глядит на часы, и надо бежать... Сегодня у меня ещё второй курс, аудирование – я захожу на кафедру – и выхожу с неё, я спотыкаюсь о ноги Вероник – она греется в галерее на солнышке.– I'm ok, Olga, – говорит Вероник, хотя я не спрашивала. – И НАМ ЕСТЬ, ЧТО ОБСУДИТЬ.

– Забавно, да? – восклицает Вероник, когда мы едем домой на университетском автобусе. Это она насчет напившейся вчера Кимико. Но я не нахожу ничего забавного. – Ну почему я такая крепкая, – продолжает француженка, – не могу тоже вусмерть напиться и остаться у кого-то?! Ах, какого я сегодня видела в столовой парня! Не сводил с меня глаз!!!

...Мне просто нужен мужчина, – перестав кричать, но достаточно громко заявляет Вероник. Её не смущает наличие трех дюжин ушей в автобусе. – Просто нужен секс. Как и всем, всегда. И я не понимаю, как это Роман так оплошал. Она была в его постели! Пьяная, да. Ангелы тоже иногда напиваются. Но она же влюблена в него... Это же простые вещи. – Ну это ты, Вероник, преувеличила. Я бы сказала – она к нему... лояльна...

– А что это значит, чёрт возьми? – подпрыгивает Вероник и начинает как-то странно поводить носом. – Это ничего не значит, потому что... – Наоборот, черти-дьяволы, – ревет Вероник, – совсем наоборот! Он должен был это сделать, он... – Я уже стала ждать довольно грубого слова, означающего... но Вероник стала кашлять, а за ней и я. По салону расстилался черный дым. Водитель остановил автобус, но, постояв несколько минут, пустил его снова. Мы задыхались. Китайцы, прикрыв рты и носы кто маской, кто платком, оставались на местах.

И вот мы с Вероник выпрыгиваем, а задымленный автобус едет себе дальше. – У меня есть близкий человек, – говорит Вероник, – есть мужчина. Но он занимает очень высокое положение. You know... Он (*президент*, – думаю я) ... учёный. И у него каждый день приемы где-то на высшем уровне. В разных странах. Он то в Мексике, то в Италии, то в Тунисе, то в Эмиратах. Его очень трудно увидеть. (Ещё бы, думаю я). К тому же он не особенно молодой. Но у нас прекрасные

отношения, очень крепкие. Просто, когда человек настолько серьезно работает, ему очень трудно вырвать время, чтобы повидаться.

– You know, – Вероник останавливается, поднимает свои подведенные жирным черным карандашом глаза и романтически смотрит на небо... – я очень люблю секс. И совсем необязательно, чтобы при этом было что-нибудь ещё, понимаешь? – Да, – говорю я, – понимаю. М-м... То есть, не понимаю, нет.

– ...Да просто взяла бы и поцеловала его... куда-нибудь в лицо... Такой момент! Будь я на её месте... – И Вероник возмущенно глядит на мир сквозь меня, и смеркается, и улица бесконечна, и я не знаю, здесь ли ещё Вероник, и была ли она, и была ли эта вечеринка или я только пойду на неё – вчера, – или была на ней – завтра... И это, в сущности, не важно, наш шарик так мал, наши близкие так далеки, наши далекие исчезают в разных измерениях... А я все иду, иду на эту самую дурацкую, на эту эпическую вечеринку в Ханчжоу...

... – Тим, где газета? – вопрошаю я Тима, вернувшегося из магазина с пивом и шоколадом.

Я пытаюсь протереть окно и балконную дверь у них в гостиной. Как известно, лучше всего это делать газетой. А она кончается. Имеет право русская женщина на свои привычки?!

– Net gazeta! – кричит Тим. Он уже в спортивных трусах и прячется от моего гнева в ванной. Недавно он обрил себя

сам машинкой и теперь похож на тифозного больного.

– Как нет? Как же я покажу вам светлое будущее? Без газеты?

– Ja n’е ronimaju.

– Всё ты понимаешь!

– Представляешь, – шепчет, пробегая, Роман, он даже поменял постельное белье – постелил новое, самое лучшее...

– Скажи ему, что он далеко заходит в своих ожиданиях от нашей party. Хотя кровать для одного, конечно, великовата. – Последнее замечание кроме горстки скепсиса и щепотки флирта ещё содержит бочку черной зависти: в своей холодной, как древнерусский ад, экспертской квартирке я уже третий месяц сплю на узенькой жесткой койке.

Роман, прикрыв глаза и прядая челкой, как конь, поёт «Have you, have you ever seen the rain...»... Я, истратив последний клочок газеты, успокаиваюсь, наливаю себе пива и иду сажать за крыши домов солнце. Бутылки толпой теснятся на столе. Одиноко скучает небольшая кастрюлька с борщом – нам предстоит типичная гусарская вечеринка...

А кто-то из гостей уже стучится в дверь...

Октябрь 2014, Ханчжоу

Стакан пива, выпитый до половины

– Пуэрто-Рико – очень-очень плохое место, Olga.

Все англоговорящие друзья называют меня так. Мне отворачиваться это «о, лга!». Надо хотя бы Джимми научить произносить мягкое «л».

– Вот ты видела когда-нибудь человека с пятью красными слезами на щеке? Их наносят вот тут, под глазом, цепочкой. Ну, или с тремя, например, черными. Чёрная означает, что твоего брата или близкого друга убили при тебе. Пять – это количество, это понятно. А красные – это скольких ты сам... того...

– Джимми! Какой ужас. Пуэрто-Рико жуткая страна.

– Зачем ты так говоришь? Почему ты такая прямолинейная?

– Но ты же сам только что сказал, что это очень плохое место.

– Да, я говорил. Но оно не только плохое.

– А какое?

– Оно моё любимое. Там мой дом.

– Джимми! Ну, конечно!

Наш Тим, американец, видя Джимми, вспоминает свое детство в Колорадо. Акцент Джимми – акцент пуэрториканцев и мексиканцев – ассоциируется у него с чем-то неблагоприятным и опасным.

...Мы собираемся выйти в городок, но все никак, нас за-
хлестывают разговоры... – Пошли же! – Джимми подгоня-
ет меня, подталкивает, похлопывает по пятой точке. И мы...
застреваем снова. Но через некоторое время все-таки несем-
ся на мопеде в центр, к каналу. Паркуемся и пробираем-
ся узенькой старой набережной между лавчонками и рекой.
Вдвоем разойтись нельзя. Потемневшие плиты под ногами
качаются.

– Хочешь, зайдем сюда? Или вот. Здесь чай. А тут кар-
тины. Джимми обнимает меня на ходу, я подаюсь чуть впе-
ред – и мы сталкиваемся лбами со встречным ротозеем. Ис-
кры из глаз. – Осторожнее надо, – хихикает Джимми.

Обедаем мы в очень странном месте. Время для китайцев
не обеденное – два часа дня, – поэтому мы сидим одни по-
среди пустого зала. Точнее не одни – в углу громко и непри-
нужденно едят работники. На стол приплывает длинная ры-
ба, разрезанная на половинки вдоль. Мы её пробуем. Много
мелких костей.

Джимми очень обстоятельно и понятно – он, я думаю,
действительно хороший учитель, не то что я – объясняет
мне, почему у речной рыбы мелкие кости, а у морской круп-
ные. По образованию он океанолог. И мне нравится, когда
Джимми ест – совсем другой человек.

После обеда Джимми по-прежнему очень учтив, он затал-
кивает меня под локоток в крошечную кофейню в англий-
ском стиле, с тедди-мишками и моделями двухэтажных ав-

тобусов. Чашка кофе здесь стоит как шелковое платье.

– Ты тратишь на меня слишком много, Джимми! – говорю я.

– Да ладно, – улыбается Джимми. – Разве ты умеешь dealing с деньгами что-нибудь ещё?

В Китае почти нет кофе, он не продается в магазинах. Кофейня – это роскошь. С чашкой кофе и Джимми я чувствую себя так расслабленно.

– Да, но ты меня совсем не знаешь, – заявляет Джимми, опять деловитый и наступающий. Притом что я, как мне кажется, ничего не говорю. – В юности, когда мне было двадцать, я был жиголо. Ты знаешь, кто такой жиголо?

Ну, это что-то такое из кино. Полуночный ковбой... И Траволта где-то. И какие-то смазливые итальянцы. – Не расстраивай меня, Джимми.

– Вот. И я был жиголо. Да. И я спал с пожилыми женщинами за деньги. Я делал это. И по большей части они были замужними – уж я не знаю, почему. Они делали со мной то, чего не могли делать со своими мужьями.

– Фу, Джимми...

– Подожди. Я был настоящим жиголо. У меня был наставник, я называл его *мастер*. И мастер привел меня в один бар и объяснил что к чему... В общем, ты садишься всегда по возможности за один и тот же столик и ничего не заказываешь. Потенциальный выбор конечно должен быть, бар не пустой. И ты ждешь. И тебе через некоторое время при-

носят пиво, ты его до половины выпиваешь, а потом спрашиваешь бармена: кто прислал? Он отвечает: такая-то дама. Ты не оглядываешься, чтобы никто ничего не знал. А спрашиваешь: молодая? Он говорит: лет тридцать пять, красивая. Ну нет. Тридцать пять, да ещё красивая – придется платить самому. Пиво я не допиваю и сижу дальше. И вот опять. Сколько лет? Ну, например, пятьдесят пять... Ну, это уж точно хорошо, в этом возрасте у них есть деньги. У неё есть деньги, нет счастья, и она...

– ...делает с тобой то, что не может делать со своим мужем, я помню.

И я представляю себе, как он обихаживал этих богатых теток – и это не про моего Джимми. Это похоже теперь даже не просто на кино, а на черно-белое, немое, с субтитрами.

– Ну, если она не нравилась мне, то я не шел с ней. Остальное – это технические детали, тебе не интересно.

– А они влюблялись в тебя, Джимми, эти тётки?

– Кто их знает. – Джимми не улыбается, говорит тихо. – Я не знаю. Спрос был. А однажды... – он засмеялся, скосив глаза. – Однажды я сам увлекся. Что она выделявала, она лишала меня рассудка. Она была женой высокопоставленного чиновника. Чуть ли не министра. И я... потом осознал, что, конечно – профессионалкой. Гораздо более крутой профессионалкой, чем я, ха-ха.

...И мы уже, оказывается, едем на какой-то ржавой колымаге. Велорикша, старый и полуживой, с гноящимися глаза-

ми везет нас – как это случилось, что мы его выбрали? Мы объезжаем центр, рынок. Джимми прижимается ко мне, я кладу ему на плечо голову. Он вздыхает так горько-горько, как только иногда маленькие дети. А потом он улыбается, и я чувствую сквозь прикрытые веки его улыбку – все ту же, чарующую и открытую, что на фотографиях, где ему двадцать. Выключи улыбку, Джимми, перестань, она напоминает мне про того, двадцатилетнего жиголо.

И мы все едем и едем на старом ржавом рыдване, бесконечно, и все более странными, острыми и вонючими становятся запахи, и мы еле протискиваемся между какими-то, тоже пахучими мешками, и женщины заворачивают в листья рис, и крошечный ребенок в розовом, с прорезанной на штанах дырой, сидит прямо этой дырой посреди дороги. И Джимми сжимает моё колено, а у меня начинают капать слезы. От счастья? От страха? От тоски? Мы вылезаем на каком-то мостике и пытаемся заставить нашего возницу сфотографировать нас. Руки у него трясутся, голова тоже, он никак не может ничего сообразить, и мы боимся, как бы он не уронил айфон в воду с моста. На фото мы получаемся без голов. Едем дальше. Печаль заливает меня, что-то чувствует и Джимми. Куда ты везёшь нас, старый рыдван?

И скоро мы слезаем, и прощаемся с рикшей – и он берет с нас огромные деньги, а Джимми только хмыкает, – и ищем свой мопед, держась за руки.

У Стефано

О чем он говорит, Стефано, красавчик с нервным тиком, хозяин ресторана, бывший футболист модного итальянского клуба? О чем предупреждает меня? Ты что-нибудь понял, Вернер? Хотя ты не знаешь предыстории. Но и я его горячечных тирад не понимаю, нет. Красавчики итальянцы – все казановы, ненадежные, продажные, скользкие. Очаровательные. Отойди, пожалуйста, Стефано.

Немцы же обезоруживают своей прямоотой, ошпаривают. Всегда готовые к действию. Запрограммированные действовать. Честные как кочерыжка. Очищающие жизнь от модальностей. И по отношению к себе они так же честны. Они не пугают, они нравятся. В какой-то момент начинают вызывать отвращение, умея расправиться с любой романтикой с полплева. Отвращение, но респект. Что поделаешь. погодите, братцы, не убивайте. Вся моя жизнь – сплошная модальность. Слишком много вас вокруг меня, немцев.

Когда мы, дети разных народов, сталкиваемся вот так, в другом измерении – пресловутые русский, немец и поляк в советском анекдоте, – наши родовые черты становятся очевидны.

...Этим субботним вечером мы сидим в баре у итальянца, за самым центральным, самым козырным столом под большой люстрой: Вернер, его друг Маркус – молодой совладелец

Шангри-ла, – и я. И иногда подсаживается сам Стефано. Мы сбежали из великолепного, занимающего пол-улицы, отеля Шангри-ла, где мы с Вернером гостим у Маркуса в роскошном номере с видом на Сиху.

Эпическое озеро Сиху, воплотившееся для меня год назад в реальность, с туристической толкотней, эклектичной китайской музыкой – через гигантские усилители, – и старичками, погружающимися в энергию «ци» ранним утром, вновь стало поэмой, картиной. Застыла на картине серебристая рябь, почти неподвижны двухпалубные катера с драконьими головами и маленькие лодки, осенний разноцветный воротник тяжелых холмов теряет цвет и дыхание, обретая свои условные формы в традиционной композиции трёх далей (здесь больше всего подходит *ровная даль*, вид по горизонтали), туманы увековечиваются в тончайше градуированных размывах туши, тонким штрихом кисти намечены дамбы, изломанные мостики, изогнутые крыши и пауэчи силуэты беседок...

...Мы живем в этом сумасшедшем дорогушем отеле, хотя моя квартира совсем недалеко, в старом, чопорном, ледяном, как древнерусская преисподняя, экспертском здании университетского общежития. И теперь мы укрылись здесь, в маленьком полутемном баре, оформленном в стиле эклектичного андерграунда (бывший лесбийский бар), популярном у иностранцев, которые едят у итальянца лучшую пиццу в Китае, напиваются, поют под гитару, знакомятся, про-

двигают бизнес, находят новые стимулы, ссорятся, теряют и вновь обретают надежду...

Маркус сбежал сюда от своих бесконечных отельных забот. От строгой жены-китаянки. Вернер, вместе со мной, от себя самого, вероятно. А я, сама того не ведая, встрети-лась тут с моим прошлым, вошла в одну реку дважды...

Когда такси вдруг повернуло на Баочу лу, все стало казаться неслучайным... И Стефано сразу меня узнал и вспомнил мою birthday party. ...И я увидела извне наш закуток в глубине полутемного лабиринта, где стоял стол, а к нему придвигали еще столы, потому что народ все подходил. И я вспомнила свои красные туфли, и Джимми – как он фотографировался, присев ко мне на колени, – и обожаемых мексиканцев, и Кимико, и full-профессора Кэтлин-вторую, в её вечных выцветших спортивных трусах. А Роман тогда подарил мне журнал, посвященный похоронам писателя Василия Белова. Раритет. Хороший подарок на юбилей. Не заносись. Помни о смерти. Но в целом было много любви и нежности, и дружеских шуток. А Тим с Джимми даже поссорились, кто заплатит за вечеринку. И все-все-все были здесь...

И вот их смыло всех разом, опустело наше экспертное здание. Остался лишь аутист-американец, про которого ходит слух, что он ездит как секс-турист по экзотическим странам, знакомясь по интернету с хорошими девушками и обещающая жениться, проводит весело время, не тратясь на отели, и возвращается – посвежевший, – учить китайскую мо-

лодежь... Да и этот ещё приехал вместо Кимико – социофоб номер два, Терияки-сэнсэй... И вот я примчалась сюда на такси из Шангри-ла, со стороны Сиху, с этими двумя буржуинами, а не пришла как обычно со своими друзьями-учителями по нашей старенькой заплеванной Сиси лу.

...Я сижу под лампой в центре комнаты, с успешными бизнесменами, такими из себя мачо, болтающими о деньгах и о футболе. Лучше всех воспевает футбол хозяин, Стефано – как раз-таки выяснилось, что он бывший футболист модного когда-то итальянского клуба – травма и привет, arrivederci... Слушай, да о чем ты говоришь? Разве это стиль, это в лучшем случае техничность, а чаще полное бескультурье, а этот вообще киллер, всеобщий-то любимец, новая генерация...

Я слушаю их почти потрясенно, как что-то новое и мощное, что-то совсем чужое – как слушают океан. Они уточняют какие-то имена, вспоминают мэтров, сожалеют, восхищаются, переживают, спорят. Загораются, блестят глаза красавчика Стефано, но порой судорога пробегает по его лицу: любовь к футболу не бескорыстна, она проросла слишком глубоко. Имена итальянцев, немцев, Пеле... а этот вот у вас был, на «т» какой-то... Не Мюллер ли? Черт его знает, да, Мюллер, точно, Мюллер, интересный игрок...

Приносят пиццу. Маркус давай её нахваливать, Стефано сияет... Он говорит о своем ученике – вон тот парнишка, китаец, ему лишь семнадцать, он просил, чтобы я его поучил –

я сказал учить не буду: смотри, если хочешь... Он рассказывает о том, как делать хорошую пиццу, о своем секрете, о цвете муки... У него все хорошо, он все умеет. Ты знаешь, Маркус, на сколько тысяч заказал только один стол вчера? Прикинь, а?! Две бутылки были по нормальной цене, а третью я не отдавал. Так эти ослы сказали, что хотят её за любые деньги, а? ...И у меня ведь ещё есть рестораны. Я процветаю, а что? Всё зашибись! Но Маркус что-то вновь роняет о футболе и снова тень пробегает по лицу Стефано, гримаса искажает красивые черты. Но вообще это все так, этот бизнес, что, разве я живу для этого, я не собираюсь становиться его рабом, я должен иметь время для себя, встречаться с друзьями, наслаждаться жизнью... а не только смешивать чертову муку, задыхаться в этом чаду... Моя жена сейчас во Вьетнаме, она развлекается, я потом поеду в Таиланд – тоже развлекись – он подмигивает мне, но лицо у него злое, – главное – это жить так, как ты хочешь...

...И вот приходит эта новая девушка, Виктория, из Тюмени, хищная, длинноволосая, возраста моей дочери, и мальчишки оживляются, и я немного ревную, потому что ещё не выздоровела после Джимми и ещё потому, что этот мир под лампой, мир тщеславия, инфантилизма и эффектных жестов – он чужой.

Виктория рассказывает о своей стажировке на китайском заводе, за совсем небольшие деньги, и парни наперебой начинают ей предлагать работу у них в ресторане, в отеле, в ма-

газине. Зачем официанткой – администратором, и за квартиру будут платить, и Вернер тоже зашевелился, заворочался, дает визитку. И я ревную сильнее, и, перегревшись, моё сердце начинает остывать, и я чувствую сначала безразличие и скуку в этом кругу, потом раздражение.

И шум океана превращается в стук отбойного молотка, долбящего асфальт: двенадцать тысяч юаней, пятнадцать тысяч, двадцать пять, а ты знаешь, сколько сегодня заработал мой ресторан – восемьдесят пять тысяч... Ведь Китай – это страна возможностей, зачем горбатиться за пять кусков... И я вспоминаю одного своего друга антиквара, умного и тонкого, но увязшего в мире денег, семейной и корпоративной лжи, как и эти, и не переносящего, когда кто-то свободен... Дежавю, братцы, как вы похожи везде.

И тут эта девочка, сильная своей красотой и молодостью и слабая тем же самым – и с сомнительным русскими бэкграундом, – вдруг говорит: стоп, это все интересно, но я все-таки хочу работать инженером, а не у вас в ресторане. И я чувствую за неё гордость, черт возьми. Вот вам, толстые кошельки, нате-ка! Краска заливает мое лицо, потому что и я оказалась погруженной в этот мир, и он пытается совратить меня, обволакивает. Своими мнимыми возможностями и наглыми излишествами, своими чудесными барами в полумраке и мягких коврах, своими VIP-услугами, бизнес-классами, чертовыми ролексами... И сколько уже своих жизней я плутаю в этом лабиринте среди омаров и устриц, крабов и ра-

ков, икры каких-то последних в истории рыб, между чьи-то несчастными язычками и глазами, пудингами и фи-гудингами, морожеными и пирожными... Спасибо тебе, девочка из Тюмени. К черту ревность. Мы заодно.

...Итальянец мечет на стол все новые подарки. Вот драгоценная граппа, он наливает только Вернеру. Ты мне нравишься, говорит он ему. Чувствует, куда надо говорить. Тот только ухмыляется, сжимает мое колено. Вот вино, и вот ещё – только одна такая бутылка припасена, очень хорошая. Итальянца разбирает гордыня. Мы отчаянно напиваемся дорогими напитками, разговор становится бурным, неуправляемым. Я говорю с Маркусом о политике и счастлива, что он меня так легко понимает. Мы нашли точку примирения. Вернер обнимает меня и шепчет мне в ухо какие-то нежности. Ладно, надо расслабиться, хватит бороться. Они все равно не смогут нас победить.

...Стефано ушел. Завтра рано ему надо где-то быть по делу. Мы выходим на улицу. Дождь. Милой и тоскливой выглядит с противоположной стороны моя улица. Я хочу домой. Вернер заглядывает мне в лицо: все окау? Маркус бега-ет по мокрой дороге кругами с твердым намерением поймать такси. Все они красные, все мимо. Наконец поймал. Мы загружаемся, стряхивая с себя капли дождя. Маркус смотрит на часы: пора возвращаться к жене, пора спать. Такси резко разворачивается, я падаю Вернеру в объятия. Он доволен. Мы несемся, обдавая прохожих грязью. Прочь от милой ра-

бочей Сиси лу. Но куда?..

30 декабря 2015, Ханчжоу

Бермудский треугольник

...Ты забыл, что нам нужно встретиться, но ответил на звонок: на остановке... Сидишь спиной ко мне, сжавшись, как замерзшая синица – в этот неожиданно теплый для первого декабря солнечный день. Но почувствовал, когда я подошла. Привет. Посмотрел на меня одним глазом. Щетина на твоей щеке рифмовалась с низким кустарником вдоль дороги. Ну чеченец же, правильно тебя бабушка называет. И ещё раз: привет. Я не могу с тобой пообедать сегодня, ты же знаешь, я сплю. Топик был мне абсолютно привычен. Отдала тебе диск для твоей знакомой. Потом сказала что-то – про Вернера, про свои сомнения, предчувствия и сверхчувствия. Ты, к моему удивлению, услышал. Этот ультразвук, этот бред, эти эфирные помехи. И я почувствовала, что в груди потеплело. Ты ещё раз посмотрел на меня, в полтора теперь глаза, и сказал что-то про Кимико. Бермудский треугольник безумцев. Друзья мои закадычные! Ладно, давай, спи иди...

Живя за границей, человек испытывает особое душевное состояние. Каким-то нелепым образом, мы, по-видимому, имеем некий эмоциональный обмен с суровым и неразвитым населением родимых просторов. Пусть двадцать китайцев подряд тебе улыбнутся, но сердцу ближе одна противная русская тетка, которая тебя облает. Она нужнее. И эти гоп-

ники, которые на тебя косятся в тамбуре, потому что ты, черт возьми, чужой. Почему-то тебе это нужно. Факт прямо-таки научный. По еде скучаешь тоже, и по отдельным реалиям. Селёдкой так иногда с картошечкой закусить. А сын вон как безумный ищет во всех городах хинкали и русскую баню. И все-таки это вторично. Главное – мерзкие рожи и родная – бедная, грязная, но родная, – речь соотечественников. Как её не хватает! Природа и обстановка все-таки вторичны. Хочется ли вам, господа, стреляться среди березок средней полосы? Спору нет, хочется. Среди них, конечно, приятнее. Но дело не в березках, хотя они, желтенькие такие на осеннем ветру (Роман был на севере, сделал видео), и вызывают слезы. Но нет, не они, я серьезно говорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.